

Патяева Е.Ю.¹ Курт Левин и его стратегия создания новых способов научного мышления

Patyayeva Ye.Yu.¹ Kurt Levin and his strategy of creating new ways of scientific thinking

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Обсуждается методологическая стратегия К. Левина, результатом которой стало создание им и его учениками, с одной стороны, двух новых областей экспериментального исследования – экспериментальной психологии мотивации и экспериментальной социальной психологии и, с другой стороны, действенного исследования и новых форм психологической практики, прежде всего тренинга сензитивности. Рассматриваются истоки его стратегии и ее развитие на протяжении его научного пути.

Детально обсуждаются два принципиальных методологических поворота, совершенных К. Левиным и его группой. Первый из них – от аристотелевского способа мышления к галилеевскому и созданию психологического эксперимента галилеевского типа – был детально отрефлексирован Левиным в его знаменитой статье «Переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому в биологии и психологии». Второй – от галилеевского мышления к собственно левиновскому и от галилеевского эксперимента к действенному исследованию и созданию новых психологических и социальных практик – представлен в многочисленных публикациях Левина и его сотрудников, однако детально отрефлектировать его Левин не успел.

В статье выделены основные особенности собственно левиновского способа мышления в психологии в отличие от галилеевского, а также три базовых принципа левиновской стратегии расширения горизонтов научного мышления: а) осознание и преодоление «методологических табу» своей эпохи, б) снятие противопоставления теоретического, экспериментального и прикладного исследования и в) поиск ответа не только на исследовательские вопросы, но еще и поиск ответов на метавопросы, понимаемые как вопросы о научном мышлении своей эпохи и о своем собственном научном мышлении. В заключение автор статьи намечает ряд метавопросов относительно современной ситуации в психологии.

Ключевые слова: К.Левин, методология психологии, эксперимент, действенное исследование, научное мышление, галилеевский способ мышления.

«Клиницист Фрейд и экспериментатор Левин – имена этих двух людей будут стоять впереди всех остальных в истории нашей психологической эры. Именно их контрастирующие, но дополняющие друг друга инсайты впервые сделали психологию наукой, приложимой к реальным человеческим существам и реальному человеческому обществу».

Э. Толмен

«Принципиальная сущность науки состоит в ее вечном стремлении выйти за пределы того, что считается научно приемлемым в любую данную эпоху. И чтобы преодолеть ограничения наличного уровня знаний, исследователь должен, как правило, нарушить методологические табу, вешающие ярлычки ненаучного и нелогичного на те самые методы и концепции, которые позднее окажутся фундаментом для нового существенного продвижения науки вперед».

К. Левин

Актуальна ли сегодня, уже в нашу «психологическую эру», существенно отличную от той, о которой говорил Э. Толмен, статья Курта Левина о переходе психологии и биологии от аристотелевского способа мышления к галилеевскому, написанная более 90 лет назад, в 1929¹ г.? Или же она представляет интерес лишь для историков психологии? А если она все еще может быть актуальна, то чем именно? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая работа.

Свою знаменитую статью Левин начинает с утверждения, что за последние два десятилетия – в 10–20-х гг. XX века – в психологии стал кардинально изменяться способ образования понятий, то есть сам способ научного мышления. Он описывает два таких способа – устаревший аристотелевский и прогрессивный галилеевский, разбирает их особенности и предпринимает попытку обосновать тезис о том, что в психологии происходит переход от первого ко второму. Завершается статья оптимистично: «Современной психологии осталось недолго ждать того момента, когда господство аристотелевского способа построения понятий сменится господством галилеевского способа». И благодаря этому, считает автор, психология станет столь же «устойчиво продвигающейся вперед наукой», как и физика [Левин, 2001b, с. 84]. Однако конкретных примеров галилеевского способа мышления в психологии Левин приводит так мало, что современному читателю легко упрекнуть его в том, что он выдает желаемое за действительное. Да и оптимистичный левиновский прогноз, обещавший, что психология в самом скором времени перейдет от противостояния школ и систем к такому же, как в физике, признанию представителями всех школ «общего базиса», вряд ли можно считать сбывшимся. К тому же и само противопоставление аристотелевского и галилеевского способов мышления

¹ Опубликована эта статья была в 1931 г., но уже в 1929 г. Левин прочел доклад с тем же названием в Кантовском обществе Берлина и передал текст статьи для перевода на английский [Marrow, 1969, pp. 55–56].

в психологии не привилось, не стало общепризнанным или хотя бы общеизвестным.

И все же я рискну утверждать, что статья Левина о переходе от аристотелевского способа мышления к галилеевскому для сегодняшней психологии актуальна. Но актуальна она в контексте не дескриптивной методологии, не как описание некоего происшедшего или не происшедшего в психологии перехода, но в контексте методологии прескриптивной, как проектирование и обоснование такого перехода, как формулирование методологической программы трансформации способа научного мышления в психологии – программы, принципиально важной прежде всего для самого ее автора. И к моменту написания статьи уже в значительной мере автором осуществленной, так что для него к 1929 г. переход психологии к галилеевскому мышлению уже действительно произошел. А за этой программой просматривается и то, что Левин [Lewin, 1949] называл стратегией развития науки, стратегией расширения горизонтов научного мышления – стратегией, которой он следовал всю свою жизнь, существенно преобразовав впоследствии и сам галилеевский способ мышления, и переход от одной методологической программы к другой². Достигнутые им на этом пути результаты поражают своим разнообразием. В самом деле Левин открыл для экспериментального исследования новые обширные области человеческой жизни, став основоположником экспериментальной психологии мотивации и экспериментальной социальной психологии. Одного этого было бы достаточно, чтобы навсегда войти в историю психологии. Но Левин еще и создает метод действенного исследования и конструктивную методологию, основывает Центр групповой динамики и Национальную лабораторию тренинга и вместе со своими учениками и коллегами создает тренинг сензитивности, являющийся, по словам К. Роджерса, «быть может, наиболее значимым социальным изобретением двадцатого столетия» [цит. по: Marrow, 1969, pp. 213–214]. Из созданных Левиным и его сотрудниками практик работы с людьми вырастают групповое движение и, по мнению Г. Уилера [2005], «вся гештальттерапия». А многие из левиновских понятий, поначалу казавшихся психологам странными и причудливыми, такие как эффект незаконченного действия, выход из поля, уровень притязаний, насыщение и пресыщение, барьеры, временная перспектива, когнитивная структура, уровни реальности, маргинальная принадлежность, жизненное пространство, групповое решение, групповая динамика, уже к концу его жизни, как отмечал Г. Олпорт, стали неотъемлемой частью языка психологии [цит. по: Marrow, 1969, pp. 229–230] и остаются общепринятыми и по сей день.

² Можно выделить как минимум три сменяющие друг друга методологические программы К. Левина: а) программу перехода от аристотелевского мышления в психологии к галилеевскому, б) создание теории поля как единого языка психологии и в) создание «конструктивного метода» и «действенного исследования» [см.: Леонтьев, Патяева, 2001].

Сложив все это вместе, мы должны признать, что Левин, этот, как его называли, «практичный теоретик», сумел к сороковым годам XX века преодолеть оба знаковых разрыва, активно обсуждаемых в наших сегодняшних методологических дискуссиях – разрыв между психологией исследовательской и практической и разрыв между исследованиями экспериментальными и феноменологическими. Как ему это удалось? Возможно, этому способствовало то, что на протяжении всего своего научного пути Левин совмещал собственно психологические исследования с методологическими? И не поможет ли нам анализ Левиным способов научного мышления отрефлексировать наши собственные методологические программы и стратегии?

Попробуем прислушаться к его методологическим размышлениям и реконструировать его стратегию расширения горизонтов научного мышления, в реализации которой переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому стал центральным этапом.

Истоки методологических поисков Левина: философия науки Кассирера

Учителем Курта Левина в том, что касается способов научного мышления, был философ Эрнст Кассирер (1874–1945). Левин начал посещать его лекции в 1910 г. и с тех пор и до последнего года своей жизни ощущал философию науки Кассирера принципиально важной опорой своего научного поиска: «На протяжении всего этого периода едва ли хоть один год проходил без того, чтобы у меня не было конкретного повода признать ту помощь, которую оказывали мне взгляды Кассирера на природу науки и научного исследования». [Lewin, 1949, pp. 271–272]. Более того, пишет Левин, «я позволю себе утверждать, что подход Кассирера представляется мне наиболее проливающей свет и конструктивной помощью для принятия тех решений о методах и о направлении следующего шага, от которых зависит, будет ли тот или иной блок исследований существенным вкладом в развивающуюся живую науку или хорошо отполированной пустышкой» [Ibid, p. 272].

Именно Кассирер (1912) и ввел противопоставление аристотелевского и конструктивного способов образования понятий (последний у Левина получил наименование галилеевского). Кассирер же выделил две «типические основные формы логики», или два способа мышления, противостоящие друг другу в современных ему науках, – аристотелевскую, которая строится на основе *субстанциальных* понятий (Substanzbegriffe), то есть понятий о *сущности*

вещей, и конструктивную, опирающуюся на *функциональные* понятия (Funktionsbegriffe), то есть понятия об отношениях, или функциональных зависимостях [там же]³.

Аристотелевскую логику Кассирер считает прямым выражением аристотелевской метафизики, в центре которой стоят «вещи и их свойства». Задача мышления состоит здесь в выделении сущности вещей путем последовательного абстрагирования: у похожих объектов выделяются общие свойства, и познающий субъект шаг за шагом переходит от конкретных объектов к их видам, родам и классам. Этот способ мышления господствует не только в формальной логике, но также и в описательном, и классифицирующем естествознании. Объект определяется через его принадлежность к какой-либо таксономической единице (виду, роду, классу) и через указание его отличительных признаков. Скажем, память может быть определена как психическая функция (род сущего), которая состоит в удержании и последующем воспроизведении следов прошлого опыта (отличительное свойство памяти среди всей совокупности психических функций). Объект понимается как сумма его свойств (у памяти есть объем, длительность удержания, точность воспоминания и т. д.). Отношения же между объектами понимаются как нечто несущественное и несамостоятельное. При таком способе мышления переход от более частных понятий к более общим неизбежно связан с потерей содержания, так что самые общие понятия оказываются практически бессодержательными, ведь никаких конкретных свойств у обозначаемых ими «сущностей» уже не остается. Что, собственно, можем мы сказать о «психической функции вообще», абстрагируясь от памяти, внимания, мышления и т. д.? Поэтому от общих понятий мы уже не можем вернуться к живому многообразию действительности и объяснить своеобразие отдельного конкретного случая. Кроме того, аристотелевское образование понятий (Кассирер называет его также эмпирическим) никогда не может нам гарантировать, что выделяемые при сопоставлении объектов общие свойства действительно значимы для определения этих объектов. Скажем, объединяя в группу «красных, сочных и съедобных тел» вишню и мясо, мы получаем «не какое-нибудь пригодное логическое понятие, а лишь ничего не значащий набор слов, не дающий нам ровно ничего для понимания отдельных случаев» [Кассирер, 1912, с. 16].

При конструктивном же способе образования понятий в центре нашего внимания оказываются не объекты как таковые, но связывающие их отношения и функциональные зависимости. С конструктивным мышлением мы встречаемся, прежде всего, в математике, ведь уже про-

³ Согласно Кассиреру, конструктивная логика и конструктивные понятия характерны не только для галилеевского и послегалилеевского естествознания – он считает, что уже первые объяснительные понятия греческих натурфилософов, начиная, во всяком случае, с атомов Демокрита, являют собой попытки мыслить именно в конструктивной логике [Кассирер, 1912, с. 175–206].

стейшие геометрические понятия вроде точки или прямой плохо укладываются в аристотелевскую логику – они образуются путем генетической дефиниции, через мысленное установление *конструктивной* связи. В математике мы вообще имеем дело не с высказываниями относительно конкретных фактов, но с отношениями между гипотетическими образами, принципиально отвлекаясь от вещей и их свойств. Научные понятия оказываются здесь не «слепоками» с эмпирически наблюдаемых «вещей», а особыми мыслительными конструктами. Конструктивное мышление свойственно не только математике, но и современному естествознанию – в той мере, в какой оно не ограничивается описанием и классифицированием объектов, но стремится к теоретическому объяснению наблюдаемых фактов [Кассирер, 1912].

Принципиальный недостаток аристотелевской теории абстракции Кассирер видит и в том, что из всей массы возможных типов отношений улавливается лишь принцип сходства, тогда как сходство членов некоторого ряда – только один из частных случаев логически возможных связей. В общем случае связь создается с помощью некоторого всеобщего «закона координирования», и истинное понятие в отличие от эмпирического понятия являет собой выражение этого закона координирования, этого отношения необходимости, причем тип необходимости может быть разным. В противоположность эмпирическим понятиям формальной логики истинное понятие не оставляет в стороне все характерные особенности охватываемых им конкретных случаев, а, наоборот, пытается показать необходимость появления и связи именно этих особенностей [Кассирер, 1912, с. 31–32], дает универсальное правило для связывания самого особенного. Любая математическая функция являет собой некий всеобщий закон, из которого можно вывести множество частных случаев: например, из математической формулы кривых второго порядка можно получить частные геометрические образы круга, эллипса и т. п. То есть характерный момент понятия состоит не в общности образа представления, а в общезначимости некоторого принципа построения ряда. И это понятие функции уже перешло в область познания природы, причем каждое преобразование такого понятия влечет за собой новое понимание всей области, которую оно упорядочивает и над которой господствует [там же, с. 41].

В статье о переходе Левин прямо ссылается на эту работу Кассирера, опубликованную на языке оригинала в том самом 1910 г., когда 20-летний Левин начал слушать лекции Кассирера. Он кладет кассиреровское различие субстанциальных (аристотелевских) и функциональных (конструктивных, галилеевских) понятий в основание своего анализа ситуации в психологии. Левин детально рассматривает оба способа мышления, как они выступают в физике и психологии (биология упоминается в статье лишь эпизодически), причем среди «пер-

вых ростков галилеевского построения понятий» в психологии он называет два – гештальт, связывая его, прежде всего, с психологией восприятия, и ситуацию в целом, неявно отсылая читателя к своему «Намерению, воле и потребности», опубликованному в 1926 г., и исследованиям своих учеников (к 1931 г. уже были опубликованы исследования Зейгарник, Карстен, Дембо, Хоппе и ряда других, воплощающих именно галилеевский способ образования научных понятий в психологии). Так что статья о переходе являет собой и формулирование методологической программы перехода психологии от аристотелевского мышления к галилеевскому, и свидетельство осуществления этой программы самим Левиным и его учениками. В частности, Левин и его ученики фактически отказались от одного из главных психологических понятий того времени – от понятия «психическая функция». Запоминание в опытах Зейгарник [2001] – не проявление памяти как таковой, а зависит от ситуации в целом, от психического поля в целом, как и гнев в исследовании Т. Дембо [2001] рассматривается не как аффект как таковой, но как результат динамики психических сил в целостной ситуации, топологическое описание которой детально выстраивает исследовательница. А насыщение и пресыщение в опытах Карстен [2001] вообще трудно соотнести с какой-либо психической функции, как и динамику уровня притязаний в работе Хоппе [Норре, 1930].

Из философии науки Кассирера Левин берет не только различие субстанциальных и функциональных понятий и соответствующих им типов научного мышления, но и общее понимание науки и ее развития. Безусловной заслугой Кассирера Левин считает «понимание науки как постоянно возникающих систем теорем и понятий», обладающих не только общими свойствами, но и особенностями, характерными для каждого конкретного уровня развития данной науки [Lewin, 1949, pp. 274–275]. Философия науки, пишет Левин, «находится в постоянной опасности сделать науку прошлого прототипом для науки в целом и сделать прошлую методологию стандартом для измерения того, какие научные методы «должны» использоваться, а какие «не должны», Кассирер же, как подчеркивает Левин уже в конце своей жизни, успешно избежал этой опасности и «раскрыл принципиальную сущность науки как вечной попытки выйти за пределы того, что считается научно приемлемым в любую конкретную эпоху», и показал на материале истории математики, физики и химии, что развитие науки определяется происходящим шаг за шагом нарушением «методологических табу» и расширением пределов «научно разрешенного» [Ibid, p. 275].

Итак, основываясь на кассиреровском различии двух способов образования научных понятий и на понимании науки как постоянного преодоления методологических табу своего времени, Левин создает и осуществляет программу перехода психологии от аристотелевского

способа к галилеевскому – фактически программу построения новой психологии. Казалось бы, все логично. Но вот что непонятно – как из общей идеи выхода за пределы того, что считается научно приемлемым в данную эпоху, и различия двух способов образования научных понятий может быть создана новая методология психологических исследований, достаточно конкретная для того, чтобы быть сразу же успешно реализованной?

Имея перед собой, с одной стороны, кассиреровское различие и, с другой стороны, уже готовую и в значительной мере реализованную методологическую программу «перехода», мы можем выделить в создании и воплощении этой программы три большие задачи. Во-первых, автору программы надо было увидеть ситуацию в психологии сквозь призму кассиреровских понятий, а для этого надо было уточнить и само понятие способа научного мышления, что Левин и делает как в статье о переходе, так и в написанной несколькими годами ранее статье «Закон и эксперимент в психологии» [Левин, 2001a]. Во-вторых, надо было найти или создать новые, конструктивные понятия для психологии. И, в-третьих, надо было воплотить эти понятия в конкретных экспериментальных исследованиях. Первая из этих задач при всей ее сложности и нетривиальности интуитивно все же кажется более или менее понятной, ибо Левин, решая ее, непосредственно опирается на работу Кассирера и на свое знание ситуации в психологии. А как могут быть созданы «из ничего» понятия нового типа? И как они могут быть воплощены в эксперименте? Чтобы понять, как Левину удалось этого достичь, нам стоит обратиться к истории его научного поиска.

Первые самостоятельные шаги: осознание тупика и обращение к феноменологии повседневного опыта

О самых ранних шагах Левина на пути создания нового психологического мышления мы можем судить по двум его первым статьям, опубликованным в 1917 г.

Одна из них была написана по итогам его диссертационного исследования и называлась «Психическая деятельность при подавлении волевых процессов и основной закон ассоциации». Левин пишет в ней, в частности, о том, что его работа в психологии началась перед Первой мировой войной с экспериментов по образованию ассоциаций и что его намерение состояло не в критике ассоцианизма, но в том, чтобы усовершенствовать измерение силы воли, опираясь на наиболее теоретически обоснованный в то время метод Н. Аха. Однако после

трех лет экспериментирования с бессмысленными слогами и измерением времени реакции с точностью до одной тысячной секунды автор статьи ощутил себя в тупике и остановился, чувствуя, что улучшать дальше точность измерения нет смысла. И постепенно пришел к убеждению, что сама по себе «ассоциация» не может объяснить наблюдаемые феномены, так что необходимо найти новое объяснение и серьезно преобразовать теорию. Завершает статью Левин своим убеждением в том, что решающую роль здесь могут иметь мотивы человека и что мотив может значить больше, чем частота повторения ассоциации [цит. по Marrow, 1969, p. 12].

Диссертацию Левин закончил к лету 1914 г. и вскоре отправился на войну добровольцем. Он был ранен и, выздоравливая после ранения, имел свободное время для размышлений о своем военном опыте. Эти его размышления и вылились в его вторую статью 1917 г., носящую неакадемическое название «Военный ландшафт» [Левин, 2001]. Статья, как указывает автор, посвящена «проблемам феноменологии ландшафта» [там же, с. 87]; в ней он описывает свой собственный недавний опыт восприятия ландшафта в ситуации боевых действий по сравнению с тем же самым ландшафтом в условиях мирного времени. И вот, нащупывая способ описания различий между ландшафтом мирного времени, когда местность простирается во все стороны и ландшафт «не имеет переда и зада», и ландшафтом войны («складывается впечатление, что за линией фронта местность каким-то образом заканчивается; ландшафт оказывается *ограниченным*»), Левин вводит понятия, уже предвосхищающие его будущую теорию поля: «область», «граница», «направление». Но пока это понятия чисто описательные, привязанные непосредственно к видимым пространственным областям, границам и направлениям. И он, предположительно, объясняет изменение воспринимаемого ландшафта изменением потребностей и мотивов воспринимающего.

Как мы увидим далее, такое обращение к феноменологии повседневного опыта и попытки осмыслить этот опыт при вводе новых описательных понятий, заимствуя их из обыденного языка или нередко создавая новые слова, станут характерной чертой стиля научной работы Левина на всем протяжении его пути. Вскоре после «Военного ландшафта» Левин напишет еще две статьи феноменологического характера, в одной из них он дает психологическое описание труда фермера, в другой — труда фабричного рабочего. И здесь же он размышляет о том, как сделать труд рабочих приносящим им больше удовлетворения и предлагает возможные пути гуманизации системы Тэйлора, так что его обращение к феноменологии с самого начала оказывается не чисто академическим, но неотделимым от его стремления использовать психологические знания для усовершенствования мира.

В преддверии «галилеевского поворота»: методологические штудии, обоснование автономии психологии и два типа научных понятий

В конце жизни Левин [Lewin, 1949, p. 273] констатировал: «По мере того как исследователь пытается приблизиться к вечно ускользающей границе неизведанного, он сталкивается со сложными и запутанными проблемами создания методов, понятий и теорий. И вполне естественно, что он обращается к философии науки за информацией и помощью в прояснении методологических и концептуальных аспектов тех проблем, которые он пытается решить». Так что вполне логично, что и сам он, дойдя в своей диссертации до границы возможностей ассоциативной психологии, обращается к методологии науки. Принципиальной вехой на его пути стала опубликованная в 1922 г., через пять лет после первых статей, его первая собственная методологическая работа «Понятие генеза в физике, биологии и эволюционной истории». Ряд авторов рассматривает эту статью Левина как его наиболее оригинальный и всеобъемлющий вклад в науку и наиболее важный теоретический труд [Marrow, 1969, p. 18]. Уже здесь Левин высказывает свое убеждение в том, что психология достигла «галилеевского поворота» (Galileische Wendepunkt) и для того, чтобы достичь прорыва, нужны только импульс ясной концептуализации и вдохновляющие эксперименты [Ibid].

В «Понятии генеза» Левин сравнивает различные науки существенно иначе, чем это делалось прежде, и пытается определить различия между ними. Речь идет, прежде всего, о физике и биологии, психологии уделяется меньше внимания. Центральным понятием выступает изобретенное им понятие «генидентичность» (genidentity), то есть способ, каким объекты сохраняют свою идентичность во времени. Левин обосновывает тезис о том, что идея «генидентичности» в физике принципиально отличается от этой идеи в биологии. А раз физика и биология существенно различаются в том, какие базовые единицы они используют для описания реальности, то существует фундаментальная несоизмеримость, отделяющая одну науку от другой: каждая наука являет собой замкнутое целое из систематически взаимосвязанных понятий. Разумеется, между ними могут быть связи, но мы не можем использовать утверждения и законы одной науки вместо утверждений и законов другой науки. Переходить от одной науки к другой означает полностью менять способ разбиения реальности на единицы [Ibid, pp. 18–19].

Эту тему Левин развивает в своих лекциях и последующих публикациях. Он убежден, что

развитие наук ведет к тому, что различия между ними становятся более резкими. Каждая наука постепенно оттачивает свои понятия и все больше отделяет себя от соседних наук. И Левин предупреждает, что наше стремление к осмысленности и единству жизни не должно вести нас к иллюзорному удовлетворению, которое дает идея философского единства науки. Надеяться на то, что в некоем будущем все науки унифицируются – значит выдавать желаемое за действительное. Разумеется, между разными науками много разного рода мостиков и переходов, и в будущем их станет больше, со временем возникают целые промежуточные области, такие, например, как биохимия и психофизиология. Но психология должна стремиться выстраивать свое более или менее автономное царство понятий и формировать взаимосвязанную их систему. По мере того, как психология растет, она должна все лучше осознавать свою собственную природу и отделять себя от других наук, в частности от физиологии [Ibid, p. 19]. Этот вывод Левина шел вразрез с привычным для начала XX века принципом объяснения психического через физиологическое – принципом, воплощенном не только в классическом в то время учебнике психологии У. Джемса, но и в идее старших коллег Левина по Берлинскому психологическому институту о единстве физических, физиологических и психических гештальтов. Для достижения же самостоятельности психологии исследователям надо отказаться от доминировавшего тогда стиля исследования как собирания фактов и направить усилия на создание взаимосвязанной системы понятий.

И уже в этой работе Левин на материале биологии вводит различие понятий описательных (фенотипических, или феноменологических) и «новых понятий» объяснительных, которые он предлагает называть каузально-генетическими [Левин, 2001d, с. 106]. «Каузально-генетические» понятия позднее станут галилеевскими, описательные же понятия выступают неким базисом, на котором могут выстраиваться как аристотелевские, идущие от описания конкретного феномена к абстракциям рода и класса, так и галилеевские, идущие от описания конкретного феномена к установлению его динамических взаимосвязей с другими феноменами и выявления условий его возникновения.

«Галилеевский поворот» в психологии и открытие новых областей для экспериментального исследования

В осуществленном Левиным «галилеевском повороте» можно выделить три взаимосвязанные части – методологическую, теоретико-концептуальную и экспериментальную. Методология

«поворота» обосновывается в двух его статьях – «Закон и эксперимент в психологии» [Левин, 2001a] и «Переход от аристотелевского мышления к галилеевскому в биологии и психологии» [Левин, 2001b]. Теоретическим воплощением этого «поворота» становится книга «Намерение, воля и потребность» [Левин, 2001d]; экспериментальным – выполненный под руководством Левина обширный цикл исследований в области «психологии деятельности и аффектов», наглядно продемонстрировавший как конкретные психологические понятия галилеевского типа, так и возможности эксперимента в тех областях психологии, которые прежде считались для эксперимента недоступными.

Уже в «Законе и эксперименте» Левин констатирует, что ощущает себя на грани двух эпох в психологии – «только что закончившейся» и новой. И поясняет, что разграничительной линией между этими эпохами выступает идея закономерности психических процессов: «На деле реальные экспериментально-психологические исследования только что закончившейся эпохи ни в коей мере не основывались на тезисе о строгой и не допускающей исключения закономерности, по своим фактическим методам они вплоть до сегодняшнего дня строятся под знаком, так сказать, “полузакономерности” или простой *регулярности*». [Левин, 2001a, с. 25]. Господствовавшему в «только что закончившуюся эпоху» «статистическому» подходу к эксперименту, когда исследователь довольствуется получением большого количества данных и подсчетом средних значений, Левин, опять-таки опираясь на Кассирера, противопоставляет подлинный эксперимент, при котором и одного случая может быть достаточно для опровержения закона.

«Намерение, воля и потребность» состоит из двух частей – «Предварительных замечаний о психических силах и энергиях и о структуре души» и собственно «Намерения, воли и потребности». Первая часть представляет собой своего рода переходный мостик от общенаучной методологии к психологической теории. Левин объединяет здесь в четкую и компактную программу свои общие методологические идеи о закономерности психических процессов, общезначимости законов, двух типах научных понятий и эксперименте как проектировании и воплощении идеальной модели действительности, и эта программа становится методологическим компасом для всей серии галилеевских исследований его учеников не только берлинского периода, но и американского (изложение всех исследований берлинского периода представлено в работе: [Marrow, 1969, pp. 244–259], там же приведены краткие резюме исследований учеников Левина в Айове: [Ibid, pp. 262–266]). Вторая же часть книги посвящена последовательному выстраиванию теории преднамеренного действия на основе обобщающего изложения уже полученных, но на тот момент еще не опубликованных экспериментальных

результатов.

Если принципы галилеевского экспериментирования были выведены Левиным из сравнительной теории науки, то конкретные идеи экспериментов возникали, как правило, из обращения к феноменологии повседневной жизни, но не просто из наблюдения, а из своеобразного вопрошания действительности, опирающегося на параллельно обдумываемую Левиным теорию. Ярким примером такого вопрошания может служить известная история о зарождении эксперимента Зейгарник из вопроса официанту в берлинском кафе, где Левин и его ученики могли часами обсуждать проблемы психологических исследований. Как вспоминал один из участников этой истории, разворачивалась она так: «Как это обычно бывает в европейских кафе, вы выпиваете чашечку кофе и беседуете, обсуждаете что-то, затем просите принести вам кусочек пирога или торта. Через некоторое время заказываете еще кофе, потом еще пирожное, и все это может затягиваться и на два, и на три часа. И вот в один из таких разов кто-то из нас попросил счет, и официант, хотя он и не вел никаких записей, точно назвал каждому из участников беседы, что тот заказывал. Примерно через полчаса Левин снова подзывает официанта и просит его выписать счет еще раз. Официант закипает от возмущения: «я больше не знаю, что вы заказывали, вы уже заплатили по счету!» [цит. по: Marrow, 1969, p. 27]. Будь на месте Левина сторонник традиционного представления о психических функциях, не размышляющий постоянно о напряженных психических системах и их разрядке, ему бы вряд ли пришло в голову подзвать официанта второй раз, он вполне мог бы, например, объяснить точное перечисление заказанного группой людей хорошей профессиональной памятью официанта. Иными словами, чтобы задавать правильные вопросы действительности, уже надо было держать в голове теорию этой действительности.

Осуществление «перехода» от аристотелевского способа мышления в психологии к галилеевскому в его собственной теории и выполненной под его руководством серии экспериментальных исследований и позволило Левину в докладе 1929 г. в Кантовском обществе и последующей статье о «переходе» отрефлексировать осуществленный им и его учениками «галилеевский поворот» и заявить о том, что «переход» имеет место в психологии в целом. Исследования галилеевского типа успешно продолжались все последующие годы в Берлине и затем в США, в Айове, но параллельно с этим Левин уже обдумывал следующий шаг за пределы известного.

Нащупываем следующий шаг: теория поля как метод анализа действительности и новое обращение к феноменологии

Рассматривая методологическую стратегию Левина сегодня, уже из во многом иной «психологической эры», мы понимаем, что само наличие сознания делает человека принципиально «незавершимым», свободным в любой момент «перерешить» свои действия и всю свою жизнь, способным «экранировать» свой внутренний мир от любого внешнего наблюдателя и исследователя и что это делает ситуацию изучения человека принципиально отличной от ситуации изучения движения физических тел Галилеем и приводит к новой, «неклассической» рациональности [Бахтин, 1986; Мамардашвили, 1984]. Вполне очевидно, что изучаемые Галилеем «свободно падающие тела» не могли задуматься о скорости своего падения и изменить ее, тогда как испытуемые в психологических экспериментах могут и задумываться, и обманывать экспериментатора, и подлаживаться под его ожидания, и ставить перед собой свои собственные цели, идущие вразрез с целями экспериментатора.

Левин и его ученики, будучи предельно честными исследователями, старались возможно более полно учесть в своих исследованиях все эти моменты, так что в их описаниях экспериментов мы находим непривычно тщательный и вдумчивый анализ позиций испытуемых, их отношения к эксперименту и экспериментатору, а также влияния этих позиций и отношений на результаты каждого отдельного испытуемого. В частности, Б. В. Зейгарник описывает не только три разные установки испытуемых по отношению к эксперименту («чувство долга перед экспериментатором», «честолюбие» и «интерес к самим заданиям»), но и то, как она сама, будучи экспериментатором, каждый раз изменяла свое собственное поведение таким образом, чтобы соответствовать установке данного испытуемого. Да и «законченность» и «незаконченность» действий она определяла в своем исследовании, исходя не только из того, прерывалось или нет действие экспериментатором, но и учитывая субъективное мнение каждого испытуемого [Зейгарник, 2001]. А ее коллега А. Карстен, проводившая опыты с психическим насыщением, обнаружила, что нашлись испытуемые, готовые чертить однообразные штрихи часами, не выказывая ни малейших признаков пресыщения, – экспериментатор в каждом конкретном случае детально их расспрашивала. Оказалось, в частности, что насыщение не возникало у безработных, которые были рады выполнять любую деятельность, за которую они могли получить деньги, так что исследовательница пришла к выводу, что повторе-

ние само по себе еще не является достаточной причиной насыщения. Отсутствовало насыщение и у двух участвовавших в эксперименте психологов. Одна из них побывала испытуемой дважды: в первый раз она достигла полного насыщения через 1 час 20 минут после начала работы – сначала начали появляться сильные вариации штрихов, за ними последовали характерные аффективные вспышки и, наконец, испытуемая наотрез отказалась продолжать выполнять задание. Но эта же испытуемая «в проводившемся через некоторое время втором опыте со штриховкой работала на протяжении двух с половиной часов (пока не была прервана экспериментатором), сделав 33 страницы без каких бы то ни было признаков насыщения» [Карстен, 2001, с. 523], поскольку «испытуемая задала себе вопрос, прежде всего из теоретического интереса, может ли она штриховать «бесконечно долго», после чего она просто «исследовала интересующую ее проблему» [там же].

Так что результаты «галилеевского поворота» оказались не столь однозначными, как это казалось на первый взгляд. С одной стороны, общезначимые законы динамики психической жизни были действительно открыты: закон лучшего запоминания незаконченных действий, закон психического насыщения, закон изменения уровня притязаний после успеха и неуспеха и целый ряд других. С другой стороны, оставалась неразрешенной проблема, с которой ни Галилей, ни другие естествоиспытатели не сталкивались, – проблема описания «внутреннего» (позиций, установок, отношений), которое оказывает столь существенное влияние на всю динамику психической жизни.

Эту проблему Левин пытается решить через наглядное представление психологического «поля сил», действующего на человека, определяя поле как все, что существует для индивида психологически [Левин, 2001f]. Характерные рисунки «поля» появляются уже в «Намерении, воле и потребности» и в работах его учеников берлинского периода, тогда же «топологические представления ситуации» начинают использоваться в группе Левина в качестве средства научной коммуникации. Впоследствии Левин предлагает использовать топологическое представление психологического поля как универсальный язык психологии, однако эта его идея не получила признания за пределами достаточно узкого круга его учеников и последователей. В конце жизни он пришел к пониманию теории поля как метода исследования, а именно как метода выявления причинных зависимостей [Левин, 2001g]. Однако вопрос о том, как исследователь узнает о том, что существует для человека психологически в сколько-нибудь сложных случаях (не в эксперименте, а в реальной жизни), остается в его описаниях ситуаций открытым.

Кроме того, обнаруженные законы «психологической динамики» оказались все еще довольно далекими от реальных жизненных проблем, Левин же на всем протяжении своего научного пути стремился заниматься именно «жизненной» психологией. И параллельно с руководством галилеевскими экспериментами он снова обращается к феноменологии повседневной жизни. Предметом его анализа становятся ситуация обучения и психологическое влияние наград и наказаний [Левин, 2001e], и уже здесь он обращает внимание на «поле власти», в данном случае поле власти взрослого. Переезд в США и погружение в новую культурную среду стимулируют появление новых работ феноменологического характера с использованием «топологических» схем. В частности, Левин уделяет большое внимание психологическим различиям между Германией и США, психологическим проблемам меньшинств и анализу жизненной ситуации еврейского ребенка [Левин, 2000a, b, c, d].

От галилеевского эксперимента к действенному исследованию

Переезд Левина в США стимулировал не только появление его новых работ феноменологического характера, но и возникновение существенно нового жанра научного исследования – *действенного исследования*. Если в традиционной схеме взаимодействия науки и практики исследование, будь то фундаментальное или прикладное, относительно независимо от практики и предшествует внедрению в практику полученных результатов, то в действенном исследовании возникает единый процесс исследования-обучения-практического действия, в котором все эти три компонента взаимосвязаны и одновременны.

Методология действенного исследования постепенно выкристаллизовывалась в галилеевских экспериментах группы Левина середины 1930-х годов. В некоторых из них уже принципиально изменилась постановка исследовательского вопроса – от выявления тех или иных закономерностей, существующих безотносительно к каким бы то ни было ценностям и практическим задачам (как это было в экспериментах берлинского периода), к исследованию способов достижения практических целей в тех или иных социальных ситуациях. Так, в исследовании пищевых привычек американцев и способов их изменения была выявлена большая эффективность принятия группового решения по сравнению с заслушиванием мнений экспертов, и с тех пор процедуры принятия группового решения активно использовались в большинстве действенных исследований группы Левина. А в известном эксперименте Левина, Липпита и Уайт, где изучалось влияние демократического и авторитарного стилей лидерства на группо-

вую атмосферу и жизнь группы в целом, практическая работа с подростками составляла единое целое с процессом исследования, и экспериментом происходящее было только для исследователей, а для подростков же, участвовавших в «клубах по изготовлению масок», клуб был частью их повседневной жизни.

Возможность провести полномасштабное действенное исследование представилась в 1939 г., когда руководство одной из фабрик, принадлежавших «Харвуд Корпорейшен», обратилось к Левину за помощью в решении задачи, казавшейся неразрешимой. Проблема состояла в том, что фабричные ученики из сельских районов намного хуже осваивали рабочие навыки, чем такие же ученики в индустриальных районах, и фабрика несла большие убытки. Обычные способы мотивирования персонала не приводили к успеху – рабочие были удовлетворены зарплатой (она была больше, чем они могли заработать в качестве домашних слуг или официантов в кафе), а попытки административного давления приводили к тому, что рабочие увольнялись. Исследовательский компонент в данном случае был чисто прикладным – надо было проанализировать, почему данная группа учеников плохо осваивает рабочие навыки, и найти способ повысить эффективность обучения. Методом сбора эмпирических данных были наблюдение Левина за рабочими и неструктурированное общение с ними. Левин обнаружил, что ученики из сельских районов (других учеников на фабрике на тот момент не было) воспринимают норму выработки как физически невыполнимую, и потому даже не стараются ее выполнить. Для повышения их уровня притязаний он предложил взять на фабрику учеников из близлежащего города, имеющих опыт фабричной работы (такие желающие были). Его предложение было принято, и новые ученики освоили требуемые навыки в течение двух недель. Как только прежние ученики увидели, что норма выполнима, их выработка стала расти, и вскоре они достигли столь же высоких результатов. Этот успех убедил руководство фабрики в пользу психологических исследований, и один из коллег Левина был принят на фабрику руководителем исследовательского отдела. Это привело к появлению серии действенных исследований, где активно использовалось групповое принятие решения сотрудниками фабрики, и сами работники фабрики становились в позицию исследователей.

По сравнению с галилеевскими экспериментами в действенном исследовании изменяется сама направленность исследовательской работы: поиск причин того или иного явления перестает быть главной и единственной целью и становится одним из моментов для прокладывания пути к решению какой-либо значимой практической задачи. Кроме того, принципиально изменяется позиция исследователя и его взаимоотношения с «участниками исследования» (бывшими «испытуемыми»): исследователь и люди, включенные в ситуацию, становятся

партнерами по совместному действию, и это изменяет групповую атмосферу исследования с более или менее авторитарной (экспериментатор дает инструкцию, испытуемые ее выполняют) на демократическую (исследователь обращается к рабочим как к экспертам, их точка зрения оказывается столь же важной, как и точка зрения исследователя, они сами принимают групповые решения, касающиеся их работы).

В дальнейшем группой Левина было разработано несколько вариантов структуры действенного исследования: диагностическое, участвующее, эмпирическое и экспериментальное [Гришина, 2000, с. 76; Marrow, 1969, pp. 197–198].

От действенного исследования к созданию новых психологических и социальных практик

Наиболее ярким результатом, к которому привела методология действенного исследования, стало создание тренинга сензитивности и Т-групп. Исходная задача, с которой к Левину обратился летом 1946 г. председатель межрасовой комиссии штата Коннектикут, была чисто практической: сотрудники комиссии оказались «не способны перевести благие намерения в локальных сообществах в реальные действия по преодолению различных форм предрассудков» [Marrow, 1969, p. 210]. И Левина попросили помочь в проведении тренинга лидерства для сотрудников. В этой ситуации он решает создать новую структуру тренинга и предлагает преобразовать программу тренинга в двухнедельную мастерскую, в которой будет проведен «действенный эксперимент по изменению». Мастерская должна была одновременно тренировать делегатов с мест и собирать исследовательские данные о том, что вызывает желаемые изменения [Ibid, p. 211].

Ключевым моментом мастерской стала одна из первых вечерних встреч исследователей, на которой обсуждались данные наблюдения за участниками тренинга. Когда несколько участников, живших далеко от места проведения тренинга, а потому на ночь оставшихся в кампусе, попросили разрешения присутствовать на этой встрече, «большинство из исследователей высказали опасения, что присутствие обучающихся на встречах, на которых будет обсуждаться их поведение, принесет вред» [Ibid, p. 212]. Эта позиция вполне соответствовала логике галилеевского эксперимента – ситуация не должна меняться и «объекты наблюдения» не могут участвовать во встрече исследователей, ибо это изменит результаты эксперимента. Однако сам Левин «не видел причин ни для того, чтобы исследователи оставляли данные в

тайне, ни для того, чтобы обратная связь участникам оказалась бы вредной», и согласился с просьбой участников, выйдя тем самым за пределы намеченного плана. Логично предположить, что экспериментирование теперь стало выступать для него как поиск путей решения задачи, а не как моделирование идеальной ситуации, как это было в конце двадцатых годов. Результат, по словам одного из членов исследовательской команды, был подобен «мощной вспышке света ... по мере того как люди реагировали на свое собственное поведение» [Ibid, p. 212]. Р. Липпит описывал этот решающий момент так: «Как-то вечером, когда исследователь делился своими наблюдениями о поведении одного из трех присутствующих участников – это была женщина, – она резко выразила несогласие со сказанным и описала обсуждаемую ситуацию со своей точки зрения. И в течение некоторого времени длился весьма активный диалог между наблюдателем, ведущим и участницей по поводу происшедшего днем события, причем Курт активно провоцировал дискуссию, очевидно получая удовольствие от наличия столь различных источников данных, которые должны быть осмыслены и объединены в единое целое. В конце этого вечера участники спросили, могут ли они прийти снова на следующую встречу, где будет обсуждаться их поведение. Курт, ощущая, что их участие оказалось ценным вкладом, а не вторжением, с энтузиазмом согласился. На следующий вечер по меньшей мере половина из 50 или 60 участников пришли на встречу благодаря сарафанному радио, запущенному тремя делегатами. Вечерняя сессия стала с этого момента важной частью опыта обучения каждого дня с акцентом на актуальном поведении и с активным диалогом, в котором обсуждались различия в интерпретации и наблюдениях событий теми, кто в них непосредственно участвовал» [Ibid, p. 212–213].

Стоит обратить внимание, что и исследователи были вдохновлены произошедшим, «увидев в этом процессе уникальный способ проверки данных и интерпретации поведения» [Ibid, p. 213]. Собственно научным результатом этого тренинга стало открытие роли межличностной обратной связи в Т-группах и в человеческой жизни в целом. Было обнаружено, что обратная связь делала участников более чувствительными к их собственному поведению, а открытое высказывание критики делает ее более здоровой и конструктивной.

Успех мастерской подтвердило не только удовлетворение участников, ведущих и исследователей после ее завершения, но и данные проведенных через полгода интервью с самими участниками мастерской и их коллегами. Оказалось, что 72% участников стали использовать в своей работе новые методы, около 75% стали более умелыми в улучшении отношений в группе, возросла их чувствительность к переживаниям других людей, и они стали испытывать больший оптимизм и уверенность в конечном успехе своей работы. Коллеги участников

сообщали о произошедших изменениях в лучшую сторону в работе с людьми, в планировании действий и преодолении разрыва между хорошими намерениями и реальным поведением. Успех коннектикутской мастерской по тренингу лидерства привел к учреждению следующим летом Национальной лаборатории тренинга, и уже через несколько лет тренинговые группы стали одной из наиболее распространенных форм психологической практики.

Левин не успел методологически отрефлексировать этот свой шаг и тот новый, отличный от галилеевского способ научного мышления, который воплощен в методологии действенного исследования. Однако как он писал в 1927 г. в «Законе и эксперименте в психологии», «тип образования понятий в той или иной науке определяется в решающей степени не тем, каких мнений придерживается исследователь, так сказать, приватно, в качестве философа, но тем, какие тезисы имплицитно заложены в фактически применяемых методах исследовательской работы. Для получающихся в итоге научных понятий тип научной практики исследователя важнее, чем тип его философской идеологии» [Левин, 2001а, с. 25]. Какие же имплицитно заложенные тезисы можно выделить в фактически применяемом Левиным методе действенного исследования? Как минимум можно выделить четыре таких принципа, отличающие собственно левиновский способ мышления в психологии от галилеевского:

- 1) выбор в качестве предмета исследования жизненно значимых проблем и явлений, сколь бы сложными они ни были;
- 2) ориентация на изменение наличной ситуации и создание целостного процесса, включающего в себя исследование, обучение и практическое действие по изменению ситуации;
- 3) признание значимости всего, что существует для человека психологически, соединение в едином исследовании «объективных», полученных в результате наблюдения, и «субъективных», полученных благодаря общению с участниками исследования, данных;
- 4) включенность исследователя в ситуацию (в отличие от галилеевской позиции над ситуацией) и принципиальное равноправие исследователя и участников исследования [подробнее см.: Леонтьев, Патяева, 2001].

Заключение: методологическое наследие Курта Левина

Возможно, именно понимание науки как непрерывного выхода за пределы уже известного позволили Левину осуществить за свою не столь долгую жизнь (он умер, не дожив до 60 лет)

два масштабных «перехода», два переворота в способах психологического мышления – от аристотелевского мышления к галилеевскому и от галилеевского к собственно левиновскому. Первый привел к распространению эксперимента на области, ранее считавшиеся экспериментированию не поддающимися, и к созданию новых областей психологии – экспериментальной психологии мотивации и экспериментальной социальной психологии. Второй породил новый жанр научного исследования – действенное исследование [Adelman, 1993; Stringer, 2013; McNiff, 2014] и привел к созданию мощной и активно развивающейся практики групповой работы, направленной на развитие человеческих возможностей. Первый поворот был Левиным не только осуществлен, но и детально отрефлексирован в «Законе и эксперимента в психологии» и «Переходе от аристотелевского способа мышления к галилеевскому в психологии и биологии». Второй же переход был воплощен в реальной методологии действенных исследований группы Левина и в созданных Левиным и его коллегами практиках, таких как тренинг сензитивности и практика самообследования сообществ. Однако отрефлектировать его детально Левин не успел, оставив эту задачу будущим поколениям психологов.

Возвращаясь к поставленному в начале настоящей статьи вопросу о левиновской стратегии расширения горизонтов научного мышления, более общей, чем его методологические программы разных десятилетий, мы можем теперь сформулировать три стратегических принципа, важных для Левина на всем протяжении его пути. Во-первых, это стремление осознать и преодолеть «научные табу», действующие в психологии в каждый данный момент, исходя из базового представления о том, что то, что сегодня считается ненаучным, завтра может стать фундаментом для новых научных достижений, и задача состоит в том, чтобы создать новый метод, который позволит исследовать то, что считается исследованию не поддающимся. Во-вторых, это позиция «практичного теоретика», снятие противопоставления теоретического, экспериментального и прикладного исследования – теоретические модели становятся важнейшим средством решения реальных практических задач. В-третьих, это постоянная постановка не только вопросов, касающихся изучаемых явлений, но и своего рода метавопросов – вопросов о научном мышлении своей эпохи и своем собственном научном мышлении.

В заключение попробуем хотя бы пунктирно наметить круг тех метавопросов, которые, следуя Левину, мы можем задать себе в нашей сегодняшней ситуации в психологии.

- Каковы научные табу современного этапа развития психологии?
- Каковы способы образования научных понятий в современной психологии? Исчерпываются ли понятия современной психологии аристотелевскими и галилеевскими?

- Достаточно ли галилеевских понятий для проведения и описания действенных исследований или же Левин фактически пользовался еще и понятиями некоего нового типа, и реальная система используемых им понятий становится более сложной?

- Каковы способы образования понятий, используемых в психологической практике?

- Языком научного мышления самого Левина был теоретико-полевой подход, казавшийся излишне сложным большинству его современников. Может ли современная психология воспользоваться этим левиновским языком и использовать теорию поля как метод анализа феноменологии современной действительности?

Действенное исследование Левина оказалось весьма плодотворным для психологии, дав начало практикам групповой работы, ориентированным на развитие человеческих возможностей. Однако в настоящий момент методология действенного исследования продолжает использоваться и развиваться не столько в психологии, сколько в смежных с ней областях – в исследованиях образования и социальных исследованиях [Adelman, 1993; Stringer, 2013; McNiff, 2014]. Таит ли в себе действенное исследование новые возможности для самой психологии? Сможет ли обращение к методологии действенного исследования привести к возникновению новых психологических практик?

Литература

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // В изд.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 381–393, 429–432.

Гришина Н. В. Курт Левин: жизнь и судьба // В изд.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб: Речь, 2000. С. 6–99.

Дембо Т. [Dembo T.] Гнев как динамическая проблема // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 534–570.

Зейгарник Б. [Zeigarnik B.] Запоминание законченных и незаконченных действий // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 427–495.

Карстен А. [Karsten A.] Психическое насыщение // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 496–533.

Кассирер Э. [Cassirer E.] Познание и действительность. СПб.: Шиповник, 1912.

Левин К. [Lewin K.] Некоторые социальнопсихологические различия между Соединенными Штатами Америки и Германией // В изд.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. Спб.: Речь, 2000а. С. 106–147.

Левин К. Психосоциологические проблемы меньшинств // В изд.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. Спб.: Речь, 2000b. С. 292–309.

Левин К. Воспитание еврейского ребенка // В изд.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. Спб.: Речь, 2000с. С. 324–345.

Левин К. Ненависть к самим себе в еврейской среде // В изд.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. Спб.: Речь, 2000d. С. 346–365.

Левин К. Закон и эксперимент в психологии // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001а. С. 23–53.

Левин К. Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001b. С. 54–84.

Левин К. Военный ландшафт // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001с. С. 87–93.

Левин К. Намерение, воля и потребность // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001d. С. 94–164.

Левин К. Психологическая ситуация награды и наказания // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001e. С. 165–205.

Левин К. Определение «поля в данный момент времени» // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001f. С. 239–250.

Левин К. Теория поля и эксперимент в социальной психологии // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001g. С. 303–320.

Леонтьев Д. А., Патяева Е. Ю. Курт Левин – методолог научной психологии // В изд.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 3–20.

Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

Уилер Г. [Wheeler G.] Гештальттерапия постмодерна: за пределами индивидуализма. М.: Смысл, 2005.

Adelman C. Kurt Lewin and the Origins of Action Research, Educational Action Research, 1993, 1:1, 7–24.

Hoppe F. (1930). Untersuchungen zur Handlungs-und Affektpsychologie. IX. Erfolg und Misserfolg [Studies on the psychology of action and emotion. IX. Success and failure]. Psychologische Forschung, 14, 1–62.

Lewin K. Cassirer's philosophy of science and social science. In P. A. Schilpp (Ed.), The philosophy of Ernst Cassirer. New York: Tudor Publishing Co., 1949. Pp. 271–288.

Marrow A. J. The Life and Work of Kurt Lewin. N.Y.-Lnd: Basic Books, 1969.

McNiff J. Writing and Doing Action Research. L.A.-Lnd: Sage, 2014.

Stringer A. T. Action Research. 4Th ed. L.A.-Lnd: Sage, 2013.

Поступила в редакцию 02 декабря 2019 г. Дата публикации: 29 декабря 2019 г.

Сведения об авторе

Патяева Екатерина Юрьевна. Кандидат психологических наук, старший преподаватель, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: patyayeva@yandex.ru

Ссылка на статью

Патяева Е.Ю. Курт Левин и его стратегия создания новых способов научного мышления // Психологические исследования. 2019. Т. 12, No. 67-68. С. 3. URL: <http://psystudy.ru>

Адрес статьи

<http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n67-68/1822-patyayeva67-68.html>